

Владимир Колабухин

ТАЙНА пансионата Уют

Повести и рассказы

*Книга выпущена по программе
«НОВЫЕ ИМЕНА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»*

Издательство «Союз писателей»
Новокузнецк
2017

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)
К60

16+

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателей
ЗАПРЕЩАЕТСЯ.

КТО СТРЕЛЯЛ В «БИРЮЗЕ»?

Повесть

Колабухин В.
К60 Тайна пансионата Уют.: Повести и рассказы. –
Новокузнецк: «Союз писателей», 2017. – 212 с.

ISBN: 978-5-00073-495-7

– 1 –

Говорят, понедельник – день тяжёлый. Не знаю, не знаю... Может быть. Но сегодня утро выдалось солнечным. Небо ясное-ясное! Майский воздух, освежённый коротким ночным дождём, удивительно душист от расцветающей сирени...

Я живу неподалёку от райотдела милиции в новом девятиэтажном доме. Там сейчас духота. А здесь, на улице...

И до чего же хорошо на душе, когда вот такое чудесное утро! Можно не спеша пройти по бульвару, затенённому большими старыми липами, посидеть в укромном уголке на скамейке и помечтать о чём-нибудь заветном, пусть, может, и несбыточном...

Передо мной, дробно стуча по асфальту каблучками белых туфель, идёт светловолосая стройная женщина. Идёт быстро, даже торопливо, головы не повернёт. Наверное, опаздывает на работу. Быть может, вечером она не станет так спешить.

А вечер, конечно, тоже по-своему хорош. Особенно когда падёт тишина и город расцветится сиянием радужных огней. Но воздух и зелень будут уже не те: цветочный аромат заглушат прогорклые запахи отработанных за день солярки и бензина, а сажа и пыль затуманят наряд затихающих улиц.

Нет, утро есть утро! И думается лучше. Недаром говорится, что утро вечера мудренее. Вот и ко мне сейчас приходит мысль о том, что не настолько уж я заостенел на своей следственной работе, как полагает моя соседка по квартире Леночка, если вдруг вспоминаю её гибкую фигуру, мягкий овал лица и большие зелёные глаза.

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

© Владимир Колабухин, Ярославль, 2017
© «Союз писателей», Новокузнецк, 2017

Сворачиваю с подсохшей дорожки бульвара к зарослям сирени и опускаюсь на сверкающую жёлтым глянецом, недавно выкрашенную скамейку. Лёгкий ветерок чуть колышет верхушки деревьев и кустарника, над головой громко чирикают воробьи...

Лена – учительница, ведёт в школе уроки русского языка и литературы. Я люблю слушать её. Голос у неё мягкий, приятный. К тому же она очень красива. Вместе со своей приветливой мамашей Екатериной Ивановной, весьма пожилой, располневшей седовласой женщиной, она занимает две смежные комнаты. Я – третью. Так уж получилось, что однокомнатных квартир райотделу не выделили, и меня просто-напросто «подселили». И ничего хорошего из этого, по-моему, не выйдет. Елена, судя по всему, не прочь завести со мной роман. А у меня он уже был, да лишь оставил в сердце боль. И я теперь уже не так наивен, чтобы таять от улыбок хорошеньких девушек, поэтому в обращении с Еленой, наверное, и впрямь суховат. Только что же вдруг сегодня её образ словно застыл перед глазами?..

Поднимаюсь со скамейки, направляюсь к выходу из сквера. Блондинка уже исчезла из виду. А я всё иду и иду не спеша. Время в запасе есть. Да и служба моя такая, что особой торопливости не терпит, требует внутреннего спокойствия и уверенности. А сегодня утро такое замечательное! Может, и день весь будет таким же?

Я покидаю бульвар, пересекаю по белым полоскам перехода залитую солнцем площадь и вскоре оказываюсь в вестибюле райотдела. На моих часах без четверти девять. Заглядываю в комнату дежурного, а там кроме его помощника – молодого широкоплечего сержанта Кандаурова – никого больше нет, хотя обычно в это время здесь всегда бывает немало ребят из уголовного розыска. Значит, ничего существенного за воскресенье не произошло.

Подхожу к столу сержанта, громко здороваюсь и спрашиваю:

– Как дела? Где дежурный?

Он поднимает на меня припухшие от бессонной ночи глаза, устало говорит:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Пока всё в норме. Если до девяти не поступит заявлений, то вам сегодня лафа... А дежурный к руководству ушёл, докладывать.

– Твоими бы устами – да мёд пить! – говорю ему, улыбаясь.

Его широкое простодушное лицо тоже озаряется улыбкой. И в этот момент на пульте вспыхивает жёлтый огонёк «02», а в соседней комнате телетайп начинает выводить трескучую дробь.

Кандауров хватает телефонную трубку:

– Милиция! Что? А кто говорит?..

Подхожу к телетайпу. На ползущей бесконечной бумажной ленте одна за другой появляются тревожные строчки, переданные из других райотделов и областного управления внутренних дел...

«Начальнику районного отдела. 20 мая с. г. в 16 часов из дома № 3 по улице Крестьянской г. Бровки ушла и до сего дня не вернулась Золотова Наташа. Возраст – 15 лет... Предположительно может находиться у своей бабушки Золотовой Марии Егоровны, проживающей...»

«21 мая с. г. из пос. Поречье угнана автомашина “ВАЗ-2101” красного цвета, принадлежащая гр-ну Белову. Примите меры розыска машины и преступников...»

А телетайп всё стучит и стучит.

Возвращаюсь к сержанту.

– Ну что?

Он прикрывает ладонью трубку.

– Муж у одной буянит...

И опять в телефон:

– Да-да... Успокойтесь, пожалуйста. Мы немедленно выезжаем. Вот так... Ничего себе начинается денёк!

Выхожу в коридор, привычно поднимаюсь по крутой лестнице на третий этаж и иду в свой кабинет. В открытую форточку окна с улицы вливается всё тот же густой запах расцветающей сирени. Он снова возвращает меня к мыслям о Елене. Как любит она выискивать в её гроздьях «счастливые» соцветья! Вот придёт вечер, и я опять пройду по бульвару, накуплю для неё сирени. Пусть порадует!

Улыбаюсь своим мыслям и принимаюсь за работу: пишу представления, справки, запросы. Жду вечера. И дождался. Телефонного звонка дежурного.

– Демичевский?.. Срочно с опергруппой на выезд!

Оказывается, сработала сигнализация фирменного магазина «Бирюза», торгующего ювелирными изделиями.

Не проходит и минуты, а наш уазик, включив сирену, уже летит по улице. Сидим и гадаем, что там, в «Бирюзе»? И самые худшие предположения оправдываются – разбойное нападение.

«Как же такое случилось?» – спрашиваем в магазине. И вот что выясняется.

За пять минут до закрытия «Бирюзы» кто-то позвонил со двора у служебного входа. Думая, что приехали инкассаторы, директор магазина Шляпникова, пожилая дородная женщина, собирающаяся уйти через месяц на пенсию, спокойно открыла дверь и... отшатнулась.

Высокий молодой черноволосый мужчина с пистолетом в руке подтолкнул Шляпникову к её кабинету, рванул там со стола одну из инкассаторских сумок с дневной выручкой и перебрал общнице, такой же молодой особе, появившейся на мгновение за его спиной.

Ещё до того как налётчик потянулся за второй сумкой, Шляпникова успела нажать потайную кнопку сигнала тревоги. Завыл «ревун». Преступник отпрянул, выстрелил, не целясь, и выскочил во двор. Громко хлопнула дверца машины, заурчал мотор, и через несколько секунд всё стихло...

Шляпникова выглядит испуганной, но невредимой. Только губы белые и трясутся.

– Да вы не волнуйтесь, не переживайте так, – пытаюсь успокоить её и коротко передаю в райотдел по телефону первые сведения о случившемся.

– Как не переживать?! – расстроено всплёскивает она руками. – Ведь чуть всю выручку не унесли!

– И много взяли?

– Почти пятьдесят тысяч! Сорок девять тысяч девятьсот рублей.

Она тянется к графину с водой. Я опережаю, подаю полный стакан. Пока Шляпникова пьёт, вместе с экспертом Губиным осматриваю и фотографирую место происшествия. Собственно, осматривать и нечего. Её кабинет, где мы ведём разговор, нахо-

дится напротив служебного входа. Налётчику действительно потребовались бы секунды, чтобы осуществить задуманное.

В воздухе ещё пахнет пороховой гарью. В помещении всего одно окно, забранное решёткой, и то без форточки. Нет и какой-либо вентиляции. Душно. Зато над столом, за которым сидит моя собеседница, ярко горит красивая хрустальная люстра. В кабинете лишь один простенький стол, небольшой сейф да несколько стульев. Без особых затруднений нахожу на полу у окна пулю, сколовшую кусочек бетона от удара в стенку, а за косяком двери – гильзу. Следов обуви – масса, но все затёртые, и разобраться в них практически невозможно. Лишь в коридорчике, у порога кабинета, Губину удаётся зафиксировать слабые отпечатки подошвы и каблук женской туфельки.

Присаживаюсь к столу Шляпниковой и спрашиваю:

– Так вы говорите, преступников было двое?

– Может, и больше, – не сразу отзывается она. – Ко мне ворвались-то двое – мужчина и женщина.

– Как они выглядели? – пытаюсь ещё раз уточнить их внешность.

Но Шляпникова, как и в начале разговора, не может описать их подробно: высокий, молодой, смуглолицый мужчина да такая же молодая и смуглолицая его напарница – вот и всё. И она расстроено оправдывается:

– Испугалась очень. Какие тут подробности, особые приметы. Спроси, в чём были одеты, – и то, наверное, не скажу.

– И всё же?

– Мужчина, по-моему, в тёмном костюме, а женщина... в синем платье как будто бы, – смущённо пытается вспомнить Шляпникова, комкая в дрожащей руке и без того мятый цветной платочек, которым то и дело оттирает потное лицо. – Как бы не струсил так!

– Нет-нет, – возражаю я. – Не казните себя напрасно. В такой ситуации, что случилась с вами, кто не испугается? А вы действовали решительно, не дрогнули.

Мне и впрямь приятно похвалить эту пожилую мужественную женщину. Но она отмахивается:

– Да какое там «решительно»! Мне бы после звонка в глазок посмотреть, а не дверь сразу открывать.

– Действительно, а почему вы поторопились открыть дверь?

– Думала, инкассаторы за выручкой приехали. Они всегда в это время появляются у нас.

– Погодите, погодите, – останавливаю её. – Давайте уточним. Во сколько к вам позвонили?

– Я уже говорила – без пяти семь.

– А инкассаторы приезжают?

– В семь. Иногда на минуту-две раньше или позже. Вот что и подвело меня. Ведь звонок был почти в это же время.

Да, видел я инкассаторов. Нас дожидались. Даже говорил с ними. Поохали, посочувствовали директорше и уехали.

Я задумываюсь. Интересная вырисовывается картина: рискованно действовали налётчики! Рискованно, но рассчитано, словно по секундошкам всё выверили.

– Значит, вы считаете, что у преступников была машина?

– Но ведь кто-то сразу выехал со двора, кто же ещё?

«Конечно, – мысленно соглашаюсь я. – Без транспорта им в таком деле не обойтись. Нужно осмотреть двор – поискать следы. Между прочим, выстрел могли слышать на улице. Следовательно, кто-нибудь мог заприметить и машину. Теперь только бы найти очевидцев».

Я знаю, что и другие члены опергруппы зря времени не тратят. Зевая на улице, когда мы подъехали к магазину, было немало, да и подворный обход ближайших домов, опрос их жителей может выявить ценных свидетелей. Кто-то из них, к примеру, в момент происшествия выходил из магазина или разглядывал его витрины, кто-то отдыхал на балконе своего дома или сажал там цветы... Короче, должны быть свидетели.

Поблагодарив Шляпникову, выхожу в коридор.

Как и ожидал, мне уже нашли свидетелей: узкоплечего веснушчатого паренька в линялых джинсах и пёстрой рубашке с отложным воротничком и тощую как жердь старомодно одетую старушку. Оба утверждают, что это было желтоватое такси, выскочившее со двора почти вслед за выстрелами. Номера маши-

ны старушка не заметила. Зато парню запали в память цифры: «37-38».

Незамедлительно передаю эти данные дежурному по райотделу. Если в машине преступники и они попытаются выехать из города, им это теперь вряд ли удастся: дежурный известит о моей информации все постовые и патрульные наряды, инспекторов ГАИ.

Мы делаем всё, чтобы раскрыть дерзкое преступление, как говорится, по горячим следам, работаем до глубокой ночи, но... тщетно. Налётчики как в воду канули.

Домой возвращаюсь за полночь. Пытаюсь неслышно пробраться в свою комнату, но Елена тут как тут. На ходу застёгивает халатик и спешит на кухню.

– Я тебе чаю подогрею.

Отговаривать бесполезно, и я молча киваю.

На кухне Лена усаживается рядом со мной за столик и, пока я чаёвничаю, не отрываясь молча смотрит на меня зелёными, как виноградины, глазами. Только сегодня они кажутся мне чуть погрустневшими.

– У тебя что-то случилось? – спрашиваю.

– Что у меня может случиться... Пей чай, Демичевский, пей...

Она отводит взгляд и пытается улыбнуться. Господи! Так ведь я хотел принести ей цветы! Надо же, как всё нескладно получилось...

– 2 –

Утром просыпаюсь рано. Прохожу на кухню, а Лена уже сидит у окна, задумчивая и чем-то озабоченная.

– С добрым утром! – говорю, улыбаясь. – Что нос повесила?

– Здравствуй! – приветливо отвечает она. На лице её тоже появляется улыбка. – И всё-то замечаешь ты, Демичевский!

– Профессия такая! – смеюсь я и подхожу к плите. Осторожно трогаю чайник, а он уже горячий-прегорячий. Кладу в чашку ложечку растворимого кофе, сахар, заливаю кипятком.

– Сегодня опять поздно вернёшься? – спрашивает Лена.

– Пока не знаю, – говорю, отпивая из чашки маленькими глотками дымящийся душистый напиток. Смотрю на часы. Ещё четверть восьмого. Но дома делать нечего, так что лучше немного прогуляться. Допиваю кофе, поднимаюсь из-за стола.

– Ну пока.

Лена рассеянно кивает. О чём это она всё думает?..

В прихожей поправляю перед зеркалом форму, галстук и выхожу на улицу.

Сегодня у меня не столь радужное настроение, как накануне. В девять часов предстоит присутствовать на оперативке у начальника уголовного розыска Белова, и вчерашнее событие в «Бирюзе» не выходит у меня из головы. Расследование поручено мне, а с чего начинать? Есть, конечно, несколько соображений, и, думаю, в уголовном розыске тоже подкинут что-нибудь существенное. Ребята там толковые, оперативники классные. И ниточка у нас есть. Хотя бы тот же след протектора со шербинкой, зафиксированный во дворе магазина.

Без пяти девять вхожу в кабинет Белова. Все оперативники уже в сборе. Опустив седеющую голову, Белов медленно расхаживает из угла в угол. Заметив меня, останавливается и, кивком ответив на приветствие, сухо говорит:

– Что ж, начнём, пожалуй. У кого какие версии по «Бирюзе»?

Присаживаюсь на единственный свободный стул у окна. Оглядываю собравшихся. Лица у всех озабоченные, глаза хмурые. Многие, наверное, не спали.

– Значит, неизвестные подъехали к магазину на такси? Чьё оно? Кто шофёр? – снова спрашивает Белов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Первым отвечает старший оперуполномоченный Сергей Наумов. Ему недавно исполнилось тридцать, он тремя годами моложе меня, а уже считается одним из опытнейших розыскников...

– Такси принадлежит второму автопарку, – говорит Наумов, легко поднявшись с дивана. – За машиной закреплены два водителя – Власов Николай Григорьевич, старый кадровый работник, и его молодой сменщик Водолазкин Владимир Константинович,

выпускник автошколы. Вчера вечером работал Власов. По его словам, такси просто-напросто угнали, когда он отлучился в столовую поужинать. Машину его мы пока не нашли.

Густые нависшие брови Белова опускаются ещё ниже:

– А не может он быть соучастником этого преступления?

Наумов задумчиво приглаживает свои русые волосы и не сразу, но возражает:

– Маловероятно, Александр Петрович. Человек он пожилой, передовик труда, вырастил двоих детей, имеет внуков. Маловероятно...

Белов подходит к окну, разглядывает улицу. С каждой минутой солнце всё ярче заливает своими лучами кабинет, всё громче нарастает шум города. Где-то там, в его необъятных недрах, скрываются от нас те, кого мы ищем.

– А что говорят свидетели? – спрашивает Белов.

Наумов садится, а с дивана поднимается рослый и плечистый, всегда щеголевато одетый оперуполномоченный Громов, мой хороший товарищ и ровесник. На его широком лице отражается глубокая задумчивость. Он достаёт из кармана замшевой куртки небольшой блокнот, заглядывает в него и неторопливо начинает докладывать:

– Свидетелей, паренька и старушку, мы установили следующим образом...

Белов резко поворачивается к нему:

– Я не спрашиваю, как вы разыскали студента Бубнова и пенсионерку Малинину, – обрывает он Громова. – Что они рассказывают? У нас есть фотография Власова?

Громов растерянно поправляет сверкающий золотыми нитями галстук.

Я спешу на выручку Громову. Ведь опрашивать свидетелей пришлось мне, а не ему.

– И фотография есть, и показывали её, – говорю, поднимаясь. – За рулём такси сидела женщина. Разглядеть её свидетели не сумели, а вот мужчину, что находился в салоне машины, запомнили: худощавый, смуглый парень... Словом, не Власов. Поскольку Бубнов учится в художественном училище, я попросил

его набросать хотя бы приблизительный портрет этого человека. Бубнов сразу согласился и вот-вот должен его принести.

Я сажусь, а Белов возвращается к столу, грузно опускается в кресло, задумывается. То, что он повысил сегодня голос, совсем не характерно для него. Да и Громов, несмотря на своё щегольство и многословие, отнюдь не пустозвон, зарекомендовал себя умелым и знающим работником. Но сегодня время не наш союзник, подхлестывает и Белова.

Он поднимает голову.

– У вас всё? – спрашивает Громова.

– Нет, – торопливо отзывается тот. – Разрешите высказать свои соображения?

– Ну-ну... – смягчается Белов. – Выкладывайте.

– Полагаю, что преступники вели многодневное тщательное наблюдение за магазином, – оживляется Громов, и сеточка мелких морщинок на его загорелом лице сразу исчезает.

– Почему вы так думаете?

– Уж очень чисто сработали, вернее – дерзко. Надо бы выяснить, кто в последнее время крутился у «Бирюзы».

«Ай да молодец Громов! С языка у меня сорвал».

– Резонно, – соглашается и Белов. – Вот вы с Наумовым и отработайте эту версию. Может, кто-нибудь из наших «крестников» отличился.

Да! Представляю, каково придётся моим друзьям. В городе проживает не один десяток человек, уже на практике познакомившихся с уголовным кодексом. Кто из них где и как проводил вчерашний вечер? Выяснить это – задача не из лёгких. Очень даже не из лёгких!

Однако, как я смотрю, Громова она ничуть не смущает. Он переглядывается с Наумовым, приподнимает, чтобы не помять, стрелки светлых, хорошо отутюженных брюк, садится и быстро пишет что-то в блокноте.

– Та-ак... – продолжает Белов. – А теперь послушаем товарища Демичевского.

Он устремляет на меня пытливый взгляд и после короткой паузы спрашивает:

– В чём нужна помощь? Зацепок-то почти нет.

Я опять поднимаюсь, ещё раз оглядываю всех и говорю:

– Почему нет? Взять хотя бы пропавшее такси. Оно как раз такое звено, за которое мы можем ухватиться. Надо подключить к нам в помощь патрульно-постовую службу и участковых инспекторов. Следует осмотреть все дворы, гаражи, тупики и переулки... Ведь где-то оставлена эта машина!

Белов кивает. Я уверен, эта мысль пришла и к нему.

– Теперь второе... Насчёт предположения Громова о том, что за «Бирюзой» велось наблюдение... В первую очередь, нужно ещё раз опросить работников магазина и жителей прилегающих домов. Может, действительно в последние дни кто-то мозолил им глаза.

Белов снова молча кивает и делает в еженедельнике пометку.

– И третье... Не мешало бы посмотреть дела о преступлениях, совершённых в городе с применением огнестрельного оружия. Сегодня я направляю для исследования пулю и гильзу, что нашли в магазине. Как знать, может, сопоставление данных проверок с материалами этих дел и выведет нас на след преступников.

Мы обговариваем с оперативниками ещё ряд вопросов и расходимся. Я с нетерпением жду Бубнова. Он обещал подойти в десять, а на моих часах уже двадцать минут одиннадцатого.

Ну вот, кажется, он и пришёл. Слышу негромкий стук в дверь и поспешно откликаюсь:

– Войдите!

В узкую щель двери сначала осторожно просовывается широколобая голова Бубнова, а затем и сам парень показывается на пороге. Стеснительно улыбаясь, подходит к столу и показывает мне небольшой конверт.

– Вот. Принёс... Как просили.

Он аккуратно вскрывает конверт, бережно достаёт из него листок бумаги, расцвеченный акварелью.

Первое впечатление – меня обманывают. Это не может быть рисованным портретом. Это цветная, мастерски выполненная фотография. Но шероховатость бумаги и некоторая расплывчатость красок на ней убеждают: портрет рисованный.

Но до чего живое лицо! Плотно сомкнуты тонкие губы, сжаты крылья такого же тонкого носа, тревожно прищурены миндалевидные, тёмные, словно маслины, глаза, нахмурены чёрные брови. Невысокий чистый лоб и густые, с красивой укладкой волосы.

Моё долгое молчание, вызванное изучением портрета, Бубнов воспринимает как недоверие к его работе. Он смущённо бормочет:

– Может, не совсем точно изобразил... Видел-то человека мельком... Если бы он не в машине сидел, а в студии позировал, да при хорошем освещении...

В том-то и дело, а он ещё оправдывается! Если ничего не сочинил, то завидная зоркость у парня. Я дружески обнимаю его.

– Всё хорошо. Этот портрет мы сегодня размножим и... словом, спасибо!

Он краснеет как девушка, вскидывает на меня повеселевшие глаза:

– Тогда пойду? У меня скоро занятия.

Прощаемся, и он уходит. Мне тоже не сидится в кабинете, хочется немедленно показать портрет оперативникам Белова: вдруг опознают в нём кого-нибудь из «крестников»?

Но... Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Все восхищаются мастерством художника, крутят портрет так и сяк, однако признать в нём кого-либо не могут.

– И всё-таки, кого-то он мне напоминает, – мучительно раздумывает Наумов. – Кто это? Кто?..

Ничего, выясним! И выведем на чистую воду. Никуда теперь он от нас не денется. Для начала покажу-ка этот портрет Шляпниковой.

Достаю из сейфа специально приготовленные для подобных случаев два портрета других лиц, беру понятых, вызываю служебную машину и еду в «Бирюзу».

Шляпникова долго вглядывается в портреты, затем указывает на тот из них, что рисовал Бубнов, и чуть дрогнувшим голосом подтверждает: «Он! Очень похож».

Вот и отлично. Как положено, оформляю протокол опознания. Теперь бы пропавшее такси отыскать и его хозяина.

Домой опять возвращаюсь поздно. По улицам ещё снуют машины, и я невольно приглядываюсь к ним – не промелькнёт ли такси с номером «37-38»? Ох как нужна мне эта машина! Твёрдо верю, что от неё потянется ниточка к раскрытию разбойного нападения на «Бирюзу».

Жёлтых такси пронесется немало, но всё не те, не те...

Вот и мой дом. Лифт быстро поднимает меня на шестой этаж... Не успеваю вытащить из кармана ключ от квартиры, как дверь распахивается – и вижу счастливое, улыбающееся лицо Елены.

– Как хорошо! Как хорошо, что ты всё-таки пришёл, – порывисто восклицает она и втягивает меня в прихожую.

Недоумевая, замираю у порога.

– А что, собственно, случилось? Почему «всё-таки»?

Глаза Елены радостно светятся.

– Потом, потом скажу. Давай переодевайся – и ко мне, в мою келью.

И тут замечаю на Елене нарядное тёмно-зелёное вечернее платье и лёгкий белый шарфик, которые придают ей праздничный вид.

– Какое-нибудь семейное торжество? – догадываюсь наконец.

Она молча кивает.

– И моё присутствие тоже необходимо?

Ещё кивок. И мне ничего не остаётся, как подчиниться и наскоро привести себя в порядок. Непонятно только, почему торжество не в гостиной и так тихо в квартире?

Снимаю запылившуюся форму. Умываюсь. Надеваю белую рубашку, синий галстук. Сдуваю с костюма пылинки. Вглядываюсь в зеркало: на меня смотрит кудрявый, сероглазый, ещё молодой человек, прилично одетый и с не очень скучной физиономией... Так что вроде бы всё нормально, можно идти.

В комнате Елены чуть светится крохотное бра на стене. На полке горит зелёный огонёк магнитолы, слышится приглушённая мелодия блюза. На журнальном столике, придвинутом к тахте, – вазочка с цветами, бутылка шампанского и торт.

Елена сидит на тахте. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам.

Присаживаюсь рядом и спрашиваю:

– А-а... Екатерина Ивановна где?

И тут же в ответ слышу тихий серебристый смех:

– Разве со мной тебе не интересно?

Я окончательно теряюсь.

– Почему же... – И чуть не с мольбой снова спрашиваю: – Но объясни, пожалуйста, что всё это значит?

Лена привычным лёгким жестом отбрасывает со лба волосы.

– Мама уехала к тётушке на денёк. Мы с тобой одни... Понимаешь, вчера мне исполнилось двадцать пять. Мы думали отметить это событие, но ты пришёл с работы очень поздно... Давай отметим его сегодня.

Обескураженный, молчу. Так вот почему вчера она была такой грустной... Милая, добрая моя Прекрасная Елена!

Машинально оглядываю комнату. Здесь я впервые. Всё дышит чистотой и уютom... Но почему мне такая честь? А у меня и подарка нет.

Лихорадочно перебираю в памяти скудную обстановку моей комнаты.

Есть! Нашёл! Тут же срываюсь с места:

– Я сейчас... Извини.

И мчусь к себе.

Лена – большая любительница книг, кое-что из них и у меня имеется. Недавно приобрёл по случаю замечательное издание романа «Русский лес». Леонов всегда привлекал меня своим глубоким философским мышлением, афористичностью речи, а тут вдруг – отлично изданный томик! Подписать его – дело одной минуты.

Увидев подарок, Елена вздыхает:

– Ах, Демичевский! Зачем это? Я же знаю, как тебе хотелось заполучить эту книгу.

Спешу развеять её огорчение.

– Ничего. Ещё достану. Лучше прочитай, что я там нацарапал.

Лена раскрывает томик и снова счастливо улыбается, неожиданно награждает меня лёгким поцелуем:

– Спасибо за «Елену Прекрасную» и такой дорогой для меня подарок.

Мы садимся на тахту. Всё так же приглушённо звучит мелодия блюза, в бокалах искрится шампанское, нескрываемой радостью сияют глаза Елены.

– Расскажи мне о себе, Демичевский. Как ты жил, кого любил?.. Сегодня я хочу всё знать о тебе. Всё!

В голове моей чуть шумит от выпитого вина и поцелуя. Музыка расслабляет, вызывает на откровенность. Хочется окончательно размагнититься и раскрыться, высказаться о наболевшем.

И вспоминается далёкий старинный город. Тенистый парк. И девчонка на скамейке. Красивая хабаровчанка, русоволосая, с глазами, наполненными тревогой.

«Ты не забудешь меня, Владик?»

«Что ты, Катюша! Что ты...»

«Тебе там встретятся другие девчата».

«Я даже не взгляну на них».

«Два года – это так долго!»

«Я буду писать тебе каждый день!»

И писал. Все два года армейской службы. И ни на одну из девчонок не глядел. А Катюша не дождалась, вышла замуж за другого парня.

Нет! Об этом не стоит говорить никому. Это моё, пусть оно во мне и останется. Я прожил в том городе почти тридцать лет. И никогда бы не покинул его...

– Ну что ты молчишь? – спрашивает Лена.

А я не знаю, что и сказать.

– Тогда потанцуем? – терпеливо предлагает она, видимо, догадываясь о моём состоянии.

И мы медленно плывём в полумраке. Рука Елены легко лежит на моём плече, глаза не отрываясь смотрят в мои глаза.

– Ты всё ещё любишь её, – тихо то ли спрашивает, то ли утверждает она.

И опять не нахожу, что ответить. Врать нельзя и правду сказать сегодня язык не поворачивается.

– Знаешь, давай не будем говорить обо мне. Всё-таки героиня вечера – ты! Расскажи о себе.

Елена натянуто смеётся.

– Ох, Демичевский! Он, оказывается, ещё и плут.

Она ненадолго умолкает, потом с расстановкой начинает рассказывать.

– Мы ведь тоже не местные. Переехали из Тулы. Папа был лётчиком. Его перевели сюда по службе. Ну и мы за ним... А через неделю, при испытании нового самолёта, он погиб. Мама в один день поседела... Мне шёл тогда всего второй годик... А теперь уже – двадцать пять! Окончила школу, институт... Вот, собственно, и всё.

– Извини за нескромность, – говорю. – А почему ты не замужем?

Лена опять смеётся.

– Потому что таких плутов, как ты, не встречала!

Она останавливается.

– Но если серьёзно – были предложения. Да душа ни к кому не лежала. Почему-то все лишь о себе и думают, о своём «я». А мне, дорогой, не рабыней, а царицей быть хочется.

– Клеопатрой, что ли?

– Нет! Такой, как Суламифь. В любви своей царицей. Понимаешь?

Бестолково киваю, и мы возвращаемся за столик. Елена спрашивает:

– Хочешь кофе?

– Хочу.

Лена уходит на кухню, и вскоре по всей комнате разносится горьковатый аромат.

– Почему ты вчера так поздно вернулся? – спрашивает она. – Что-нибудь случилось? Говорят, машину угнали. К нам в школу приходили сегодня работники ГАИ. И участковый по квартирам прошёлся.

Я улыбаюсь. Так-так... Скоро весь город будет знать, что разыскивается такси жёлтого цвета, номер «37-38»... Это хорошо. Уж кто-нибудь да расскажет нам о нём.

– Да, – говорю. – Ищем пропавшее такси.

И, не вдаваясь в подробности, коротко рассказываю о вчерашнем ЧП.

– Ужас какой, – передёргивает плечами Елена. – Ну у вас и работка!

– У тебя она разве легче?

– Сравнил тоже! Как ни тяжело с моими шумными ребятами, но они – дети. Я вижу, как они взрослеют, становятся умнее и добрее.

– А если не все такими замечательными людьми вырастают? Как тот брунет, например, что стрелял в магазине. Кто-то должен и с ними разбираться. К тому же я закончил юридический. Так что не будем больше об этом. Хорошо?

– Хорошо, – соглашается Елена. – Расскажи мне что-нибудь весёленькое. Уж сегодня ты обязан развлекать меня.

Начинаю вспоминать. Но в голову лезут одни лишь криминальные истории. Лена смеётся.

– Ладно, не мучься.

И берёт мои руки в свои ладони.

– Какие у тебя красивые, тонкие пальцы...

Я весь напрягаюсь, чувствуя нежность её рук.

– Что ж в них хорошего...

– Не скажи... Глаза или лицо могут обмануть человека. А вот руки... В них, по-моему, вся его душа... У тебя пальцы музыканта. Но ты ни на чём не играешь!

– Играю, – возражаю с улыбкой. – На гитаре играю. Да всё

Купить книгу